

Сдувая пену дней

Борис Виан умер в 39 лет во время просмотра фильма по своему роману «Я приду плюнуть на ваши могилы». Он написал только сценарий к триллеру. Фильм ему не понравился.

Если бы Виан пожил еще немного, он заслужил бы орден «Почетного Легиона» и могилу среди великих людей Франции.

Виан умел все: инженерить, играть джаз на трубе и писать совершенно невероятные тексты.

Такие люди, как Леонардо или Борис, существовали только во время Возрождения. Виановское случилось после Второй Мировой.

Пронзенный навывлет треть века назад «Пеной дней», я не могу перестать думать об этом тексте.

Мне хочется попробовать пофантазировать в этом виановском любовно-абсурдном направлении.

Если найти и собрать всех женщин, в которых он был влюблен – ни они, ни он, друг друга не узнают.

Многие в этом ряду скажут, что это клевета, что они видят этого маразматика в первый и последний раз. Некоторым *придется возмущаться, возможно, уже из могилы.*

Это не меняет ни его отношения к воспоминаниям о них, ни его желания продолжать любить.

Виановскую героиню звали Хлоя. Чтобы избежать воровства, Н. теперь будет подходящим для героини универсальным именем. Это вполне законное основание, равно как и пешее. Такое же, как требование есть вкусное только маленькими кусочками и завтра.

Рука не опускается назвать его Борисом, но придется. Совсем не обязательно, при этом, менять фамилию на гениальную.

С появлением Н. окна в квартире повернулись на Юго-Запад. *Север в окнах был теперь только ночью.*

Возвращаясь к возлюбленным. Это звучит, как саморазоблачение. К чему, собственно, еще возвращаться в памяти? Облик Н. меняется, но она – одна. Это – музыка, где есть симфонии, квартеты, сонаты, джаз...

Как замороженность лицом, голосом, реакцией, прикосновением, телом...

Когда везло, Н. возвращала ему самого себя, отвечая поцелуями на вопросы, не имеющие ответа.

Умирание от любви к женщине и есть воскресение. Ты готов снова родиться, прикасаясь к инобытию плоти, как это делал твой отец.

Но пора вернуться из постели, свесив ноги, к коврику жизни.

Вернуться к себе через кого-то можно, если ты существуешь. Это совершенно неочевидно и постоянно требует подтверждения.

Интерпретация событий, вот, что различает людей. Напяливание своего представления на пространство чужих разделяет или

объединяет. *Кожный контакт не всегда достаточен для обмена жизнями.*

Распятие как символ так близко воспринято многими, потому что люди сами распяты в многочисленных плоскостях своего бытия: красота лица, способности, семья, удача, работоспособность, здоровье...

Красота женщины приколачивает к себе нержавеющими гвоздями.

Никакие злодеи никогда не вколачивали такие гвозди в голову.

Как правило, диалог с женщиной носит невероятный характер:

Она: – Не клади ноги на платье!

Это сказано потому, что вы принесли из магазина плоску с ножками индейки и собрались положить их в морозилку.

А там, оказывается, уже лежит плиссированное платье, чтобы на нем закрепились новые складки.

***

Борис был болен реликтовой болезнью. Симптомы ее были с хвостами.

Единственная кровь, которую он считал законно пролитой, была практически невидимая, регулярная женская. Он вообще предполагал, что такой своей регулярностью женщины пытаются привить мужчинам хоть какой-то порядок.

Возможно, болезнь не позволяла Борису работать ради денег или совершенствовать узаконенные способы убийства для *безнаказанных войн*.

Н. всегда имела переменчивую фигуру, цвет волос, улыбку, голос и *ответственность за ветвистость* событий после поцелуев. Главным была ее неизменная способность отвечать. Словом, телом, смехом, слезами или молчанием.

Н. была чудесной. Изумительное лицо с выразительнейшими глазами. Борис учился с ней в школе. Потом надолго потерял. Нашел ее случайно опять уже в юности.

От ее груди невозможно было оторваться. Но у Н. тогдашней был остеомиелит. Она хромала. Борис был потом на ее свадьбе, ощущая, что одно движение, и Н., танцуя, сгинет с ним от гостей.

Папаша невесты шепнул ему, походя: «Ну, вот, ты же был первым». Да не был. Испугался хромоты. Только губы помнят теперь и навсегда невероятную поверхность несбывшегося бытия.

***

К его стыду, Бориса поначалу устраивал легкодоступный материал: секретарши, парикмахерши, отдел кадров и просто *легкораздвижные нимфоманки*. Но это было ошибкой эксперимента, который закончился опять настоящей Н.

На свете бывает *немного перечисленных тобой людей*. Для этого и даны тебе десять пальцев.

Иногда пальцы разгибаются, и считать начинаешь уже кого-то другого. В старости, когда пальцы скрючены, трудно перечислять новых. Но, если артрит не коробит мозги, и это возможно.

Познакомились в самолете. Из-за трехчасового паралича надо было иногда хоть рот раскрыть. Борис умел шутить, почувствовав уровень при первой же реакции на шутку, но он никогда не опускался до банальностей.

Болтались по южному рынку. Пили коньяк.

События развивались в плоскости обмена разума на немного отложенные, из-за присутствия подруги, объятия. По прибытию самолета в Н-скую спальню, Борис был награжден званием самого умного из ее знакомых. Сколько еще, менее умных, разделяло с Н. ее спальню, никто, кроме нее, не знает.

Женщина Н., номер отсутствует, была чрезвычайно сексуальна. Бог миловал Бориса. *Групповой секс не входил в его планы. И не выходил.*

Она похоронила потом трех-четыре *разнообразных мужей*. Ее *поршневым двигателем* стал какой-то известный функционер, не пожалевший ничего для ее карьеры. Н. и теперь чем-то успешно заведует. Может быть, оружием массового поражения Борисов.

Это все не было донжуанством. Скорее - донпотжуанством или *донотженатством*. Борис любил считать – это было пять любовей назад, или четыре? *Тем нем менее* он был со всеми Н.

Может быть, это многожеНство?

Как много клавишей нажато.

***

«В любви нет первых». Зато полно отстающих. Не говоря о тех, кто пропускает занятия и не выполняет домашние задания, некоторых просто перестают любить вообще. Даже тихих аквариумных мелкоплавающих, которым нужно только немного корма и кислорода.

Наглый, маленький, симпатичный, но обидчивый палачик, знакомый с детства, вырастает внутри. Он начинает кромсать время и пространство, обрубая связи, уничтожая друзей, сворачивая горизонты в размер коврика.

Борис, будучи успешным инженером, в мощной компании Телепорт зарабатывал больше своих начальников. Культивируя влюбленность, не любовь, и имея возможность купить себе в постель любую очаровательную безмозглую идиотку, он все-таки выбирал себе подруг из близкого круга. Тех, кого теоретически можно было бы рассматривать *в сдвоенном персонаже муж-жена*.

Иногда он представлял себя внезапно состарившимся, *с задернутыми солнцем и луной, с трупами тетрадей и записей*. В этот момент ему трудно было утверждать что он, собственно, живет.

Он часто представлял, как через час после известия о его смерти, возможно, от рака поджелудочной, бывшие любовницы повалят в его дом, пытаясь хоть что-то присвоить из наследства несостоявшегося персонажа.

Н.№ 1 припрется первой. Борис был знаком и приветлив с ее мамой, из чего Н.№ 1 заключила, что хотя бы в третий раз за последние двадцать лет, она будет чьей-то женой главного калибра. Она снимет бельгийский ковер, прикрепит ко всем кожаным креслам и диванам свои инициалы, чтобы потом отстаивать/отсидживать или отлеживать свое право быть № 1 в суде и в жизни Бориса.

Н.№ 2 притащится ночью и будет рыться в шкафах, тумбочках и столах в поисках денег, драгоценностей или просто симпатичных мелочей.

Н.№ 3, как всегда, опоздает и будет довольствоваться всякой ерундой, посудой, телевизором, торшерами и глухой от старости акустической системой.

Главное, что они передерутся за все это барахло прямо в суде, будут ненавидеть друг друга до смерти, но решение суда возненавидят еще больше.

Думая об этом, Борис вспоминал какую-то очередную чушь по поводу Эйнштейна, где сообщалось, что тот никогда не носил носки.

В задумчивости Борис снимал носки. Это не помогало с новыми идеями. Появлялись, но странные.

В силу перенаселения, на планете происходит дефицит душ. Уже рождаются люди с душами рыб, пресмыкающихся и отдавших душу за жратву грызунов.

Большая часть людей на свете – таксидермисты, создающие чучела собственной жизни.

***

Мощность борисова континуума Н...Н. не была математически бесконечной и колебалась в известных границах $-1 - +1$.

Хотя иногда минус менялся на плюс, и +/- Н. двоилась. К счастью, не одновременно.

Одна из них была потрясающе мобильной, энергичной и безрассудной. Она могла появиться в любой точке земного шара, если Борис ее информировал о своих земных координатах. Эта, страшно толковая и столь же активная, **Нъ**. добиралась до Бориса в любой глухомани, столицах или прямо на полях сражений. Их сражения длились ночи напролет, без потерь друг друга, с редкими перерывами на глотки красного вина.

Еще одна **Нъ** была долгоиграющей. Борис не видел одновременно столько чужих пальцев ног на пляже, сколько было встреч. Это стало так

похоже на женитьбу, что он постепенно начал медленно, как гигантский круизный лайнер, давать задний ход, *стараясь причалить куда угодно.*

***

Пока не хотелось, чтобы кровь в жилах текла без завихрений. Он еще не пытался звонить, стучать или скрестись в чьи-то двери – они открывались сами. И чей-нибудь колючий *проволочный* взгляд вызывал только улыбку.

Живя под властью лавочников, производящих только образки, хотелось обвинить Создателя в пошлости, позвонить ему и отменить заказ. Он превратился в господина Начальника. Все особенное стало заваливаться в *свальное* общее. Единственным торгуют в каждом углу монитора, а мониторами – на углу.

Единственность, особенность, уникальность были тем, что Борис ценил выше всего. Это отражалось и в поисках такой, исключительной женщины. Не блаженной идиотки, не выздоравливающей сотрудницы похоронного бюро, не той, у кого только тело и можно грабить, или с кем счастливого брака хватит только на месяц.

Он с трудом мог засыпать в двуспальной кровати, в которой плохо удавалось приспособиться к собственному телу.

Одна из нежных Н. однажды сардонически захохотала, когда Борис, раздеваясь, сказал, что неплохо было бы иногда предохраняться.

Она родила симпатичного мальчика, не ожидая от Бориса ничего больше.

***

Как-то, во время одного из непарно организованных засыпаний, Борис придумал, как сделать быстрое и надежное перемещение образцов биопсии в разрабатываемом компанией спектрометре. Целью была масштабная и быстрая диагностика рака.

Проще говоря, ему приснилось, как каждая пробирочка будет двигаться в пространстве, перемещаясь в сторону анализатора, станет считываться ее уникальный код, и она будет возвращаться, храниться и уничтожаться. Это принесло бы его компании хорошие миллионы в *обозримом* *сверху* *будущем*.

Картинка механизма была настолько очевидной, что Борис сразу заснул, даже не услышав, как холодильник забился на кухне в страшных судорогах.

***

Наутро он *прозмеился* сквозь столы сотрудников, с их каменными лицами и остановившимися на мониторе глазами, в кабинет начальника, неспособного держать в голове больше одной мысли. Мысли о канувших в небытие днях.

За многие годы бессмысленного пребывания в кресле, он стал

«нервным, как старая дама в безуспешных поисках туалета». Было видно, что убиваемое им время очень долго умирает. А такие глаза, как у него, обычно «выдают после окончания военного училища».

Всякий наемный сотрудник – «двуполый червяк, способный полюбить другого». Начальника тоже.

И в каждом таком кабинете чувствуется, как в гостинице, «безликость сотен неудавшихся жизней». Жизней сотрудников.

Единственный гостеприимный трюк любого начальника – «уставиться вдаль, словно решив вспомнить детство».

Отношение к подчиненным: «вас легко доить, но вы даете жидкое молоко».

При всем при том, уже будучи только охлажденной заливной рыбой, чудом доживший до своих просроченных лет, он успешно отбивал подачи новых идей:

– Ты это сумеешь сделать?

Борис, как бы подумав, ответил:

– Механик, техник, программист, инженер, четыре месяца и неограниченный бюджет.

Борис понимал, что каждый новый проект для начальника – ростом с виселицу. Где тот стоит на табурете.

Закончив собственное бальзамирование, начальник произнес:

– Мне нужно посоветоваться с инвесторами. Бюджет и сроки должны быть определенными.

Инвесторы эти, по-видимому, сидят за телефонами со времен гражданской войны под изъеденными молью флагами. Их взгляд может пересчитать деньги в вашем заднем кармане. Больше всего они напоминают проституток на пенсии, которым удалось заработать достаточно, чтобы требовать отчета о доходах сутенеров.

Борису хотелось объяснить, что его идея сродни непорочному зачатию, которое делает миллионы людей *намного дольше живее умерших*.

***

Когда Борис выходил из кабинета усопшего оператора ни с чем не соединенных рычагов, он столкнулся с высокой красивой женщиной, которая направлялась в то же чистилище с безответным вопросом.

Борис извинился.

Она спросила, кивнув в сторону кабинета:

– Осталось ли там что-то съедобное, после вашего визита?

– Вы сумеете разогреть что угодно, но это – *нежевательно*. Может, я решу вашу проблему?

– Я хочу получить прибавку к зарплате.

– Я согласен.

– Вы, по-моему, зарываетесь.

– Это потому, что у вас для этого исключительный наряд.

Она устало посмотрела на Бориса и открыла дверь кабинета.

Борис спросил секретаршу, как зовут эту, уже предполагаемую Н+.

Чтобы не испортить неожиданной радости столкновения с равным партнером по теннису слов, он отправился в отдел.

***

Трудно представить что-то менее человеческое, чем полсотни мониторов с упертыми в них лицами.

Тени экрана ищут и создают новые адреса. Если у родной мамы нет адреса в Интернете, она не существует.

Борис забросил приманку новой идеи паре приятелей, с которыми можно было бы ее продвигать. Договорились о расписании.

Он пообещал сделать эскизы через пару дней.

***

Борис мог без труда разыскать понравившуюся ему сотрудницу, но компанейские правила такое поведение исключали. Если дело заходило далеко, проще было уволиться, чем начинать какие-то ни было отношения внутри *коллектива доносчиков*.

В *заповеднике для танков* стрелять разрешено только танкам.

***

Некоторые уже соревновались в выпивке, кто-то уже уходил, но вечеринка была в разгаре, когда Н+, нет, пожалуй, NN, вдруг появилась с каким-то молодым парнем.

В центре событий был рояль Стэйнвэй, за которым сидел глыбообразный бородатый джазовый импровизатор. Музыка явно превосходила по качеству и разговоры, и напитки.

Борис, наблюдавший происходящее *с интересом дохлой рыбы*, слегка задышал, и стал искать если не воду, то хоть какую-нибудь жидкость. Он нечасто попадал на такие мероприятия, где казалось, что *нюхаешь цветы из-под земли*. Отсутствие кислорода вызывало ощущение, что *мышление – чужая специальность*. Иногда бывало так противно, что даже на лицах симпатичных женщин Борис видел только *морщинки*. Ничего не хотелось, кроме как их *отшелушить*.

Он поглядел в сторону NN и увидел, как она отстранилась от неуклюже предложенного поцелуя.

Не очень обращая внимание на приятеля NN, Борис подошел и спросил:

– Это вы празднуете повышение зарплаты или увольнение?

NN, вспомнив их встречу, улыбнулась и сказала:

– Прибавку только пообещали, а если уволят, то скажут, что «ничего личного». Хотя я не думаю, что на свете есть что-то, меня лично не касающееся. Я просто могу об этом не знать.

– Верно. Особенно это касается касаний.

Сидящий рядом парень был явно раздражен разговором.

Он встал и направился за очередным бокалом.

– Если он еще пару выпьет, *его придется катить перед собой до такси.* Или до дома. Оставьте его тут. Его выпивка интересует больше.

– Больше чего?

– Больше вашего личного.

– А вас почему оно беспокоит?

– Я впервые встречаю женщину, которая не произнесла еще ни одного неточного слова в законченных предложениях.

– Вы как-то слишком интеллектуально клеитесь.

– Я ничего не могу больше предложить для обмена. Только *ум за разум.* По-честному. Остальное – переживание возможного *обмана при обмене.*

– Я не могу его тут бросить. Его мать умерла. Она была подругой моей мамы. Он славный парень, но я не могу быть ему сестрой милосердия. Но и напиться я ему не дам. Если *лишние личные переживания* вас не оставят, позвоните. Я не уверена, что смогу предложить вам что-нибудь стоящее для обмена, кроме *связанных мною со мною* свитеров и жилеток, но поторговаться всегда приятно.

***

Прошла пара недель тавтологичной вечности. Борис был занят изгнанием мелких бесов подробностей из своей идеи. Имя NN больше не работало. Ее звали Мира.

Не было никаких возможностей даже окликнуть ее по телефону. Выкипала заваренная Борисом каша.

Повышенная температура устройства, которая может убить биопсию, возможность опрокинуть образец и тому подобное превратили плодотворную идею в серию мелких, но дьявольских проблем.

С помощью нескольких приветливых улыбок секретарше, удалось получить персональный e-mail Миры, куда тут же было написано следующее:

– Извините, я постоянно опаздываю, потому что все законы физики лишили меня аккредитации.

В ответ он получил:

– Мою вы потеряли еще до востребования. Как и все остальное, что существует, но требует вопрошания.

Переписка не могла долго продолжаться:

– Я выдавлю из себя раба лампы в удобном для освещения месте. Где и когда я смогу спросить о неполученных сообщениях?

Они договорились о встрече в центре после работы.

***

Она пришла абсолютно точно, как условились.

– Чем будем заливать ваши чудесные глаза? *Будем ли есть из рук? Рук официанта.*

– Заказывать дорогое, будто едим в последний раз, мы не будем. Рыба с картошкой и белое вино вполне заменят все, чего у меня нет в холодильнике.

– Что еще можно привнести в ваш дом из того, чего в нем не хватает?

– Торшер есть... комод, кровать, кухня... Вы могли бы стоять в углу, рядом с торшером.

– Только если недолго, просто чтобы отбрасывать тень в пустоту.

– Пустого места мало. Я присутствую почти везде.

- Это лучшее, что я услышал за последние пятнадцать лет. Я жутко устал от заполнения пустот в своей жизни.

Борис знал, что мира – тонкий элемент для определения разрешающей способности оптической системы. Глаз тоже. С такой головой и отношением к жизни именно Мира могла бы определить то, что требует фокусировки.

– Если уж к Всевышнему обращаются на ты, я больше мучиться не желаю. От какого белого вина ты грамотнее пьянеешь? Без последствий, раскаяний и потери синтаксиса.

– Грамматических и артикуляционных утрат ты от меня не дождешься. Тебе столько не выпить. Раскаяние грядет независимо. Совсем немного банальностей обычно достаточно. Ты пока держишься на плаву.

– Как же мы выдержим долгую, монотонную, ни сказать – моногамную, совместную жизнь?

– Мне многое предлагали через пятнадцать минут знакомства, но никто еще не обсуждал со мной через четверть часа, что мы будем делать через пятнадцать лет.

– А в чем твое сомнение? Ты мне страшно нравишься. Я сделаю все, чтобы ты всегда радовала мой глаз. Твоя голова, при всей красоте лица будоражит речью. Ты не произнесла ни одной глупости и пошлости за уже бесконечное время нашего знакомства. Черт знает, куда за этот час все на свете разлетелось.

– Как-то все это напоминает покупку лошади. Ты посмотрел мне в зубы и посчитал, что этого достаточно. Еду принесли. Давай, я ими пожую.

***

Борис не стал в этот вечер *ни собратом ее торшера, ни другом кровати.*

Он расстался с Мирой около ее многоквартирного дома на бульваре, откуда была видна излучина реки. Никаких намеков о продолжении знакомства получено не было.

Когда Мира ушла, Борис еще немного постоял, глядя на водяные блики. Они что-то, видимо, сообщали, но код ему был неизвестен.

***

В угарном чаду работы, *выматывающей* нервы на катушки соленоидов, Борис забывал не только Миру, но и меру.

Скрытая злокачественность образцов скапливалась в хлопоты и проклятия.

Когда *величины измирения* стали почти исчезающими, она вдруг позвонила.

– Похоже, без результатов анализов прямо с пробиркой – ты не принимаешь.

– Ты, конечно, симпатичная, но тебя может еще больше украсить *ультрафиолетовый синяк под глазом*.

– А как же тогда с непрерывной монотонностью отношений, с положительной производной и *завидной жилплощадью под интегралом во времени?*

– Мы начнем с бесконечно малых функций, стремящихся к нулю. В крайнем случае, к часу ночи. Торшер подождет. Я буду тебя ждать любым вечером у себя дома.

– А если я вдруг задержусь после часа?

– Придется *расширить ночные пределы* за окном.

***

Хотя Борис был уверен, что объятия, может быть, и не продлевают жизнь, но сокращают ее увядание, Мира не объявлялась.

Почему-то, будто вместо нее, появился приятель. На новой работе ему понадобился технический совет. Быстро обсудив проблему, Борис посоветовал *отфутболить на угловой* заказчику непродуманную задачу. Будут выпендриваться – *назначить пенальти*.

Исчерпав легальный повод визита, приятель норовил заодно обсудить проблемы бытия. Отчего у Бориса всегда *парализовывалось сознание и гостеприимство*.

Сам он давно существовал в рамках системы «вызов-ответ», или мягче, вопрос-ответ.

Только в этом пространстве он научился формулировать точные вопросы к тем ответам, которые непрерывно генерировало бытие. Все иные способы, успешно морочившие окружающих, Борис воспринимал с издевкой. Он старался *никогда не думать об ответах, вопросы к которым он не задавал*.

Как у радиоприемника, у Бориса были его главные характеристики – *избирательность и чувствительность*. Это позволяло *избавиться от жуткого шума вокруг*.

Это была простая религия: нету никакой информации вообще, пока не спрашиваешь. Только шум. Все – до востребования.

Этот метод, придуманный Коллингвудом, предполагал, что в действительности мы постоянно имеем дело только с ответами. Наша задача – сформулировать правильный вопрос к ним. Истина только и существует в этом континууме.

Приятель поняв, что количество общих тем обратно пропорционально выпивке, скоро ушел.

***

Борис не ожидал, что чье-то присутствие, а главное – отсутствие может повлиять на его работу. Оказалось, что *если статуе Венеры обломать руки, она не сможет прикрыть свою наготу.*

Работа не клеилась. Липли проблемы, звонки и совещания. Устав от *танцев вокруг неживого детища*, Борис пятничным вечером приехал к мирному дому и позвонил из машины.

Она долго не отвечала, потом взяла телефон.

– Я чем-то провинился? Не так подал пальто? Пришел без цветов... Не знаю, что еще я успел натворить?

– А ты пробовал когда-нибудь выбросить старый бумеранг?

– Все и всех бросал, но не это. А что?

– Так ведь он же, всегда возвращаясь, голову расквасит.

– Твоя прежняя любовь не хочет покинуть причал и пристань?

- Когда-то, слишком усердно, веря в его талант, я пыталась помочь. Теперь все ошметки его провалов я с трудом отбиваю или уклоняюсь.
- Давай, я выкуплю твое прошлое. *Мне нужно все нынешнее. Свежее.*
- Ты тогда разоришься, и я тебе буду уже нужна, как пустому карману заплата.
- Так мне ждать тебя внизу, или ты опять будешь швырять то, что летает по кругу?
- Я не хочу, чтобы ты стал моим новым бумерангом. Я приду к тебе безоружная. Подожди немного.

***

Когда на Бориса *напала моль жизни, проедающая мозговую ткань*, он почему-то начинал вспоминать те свои истории, за которые ему было стыдно.

Однажды, когда он с парой сотрудников был в командировке, они вечером пошли в ресторан. В самом городе их и было-то всего с десяток. Провинциальная публика, с достоинством уважаемых обывателей, только по выходным позволяла себе с сомнением поглядеть в ресторанное меню.

Вокруг не было лиц. Никаких. *Жевание ликвидирует достоинства. Поглощение пищи – дело интимное.*

Все ели так же основательно, как работали, любили, сидели на горшке или голосовали.

Звучал какой-то паршивокачественный музон. Не хотелось ничего съесть из предложенного. Как всегда, Борис выбирал простую еду, понятную в компонентах.

Вдруг, он тогда чуть не подавился, Борис увидел за каким-то дальним столом – лицо. Не просто с выражением местного кордебалета – *фантастическое по неуместности грустное лицо*. Чудесные глаза, чуть пухлые губы и абсолютная точность в каждом жесте и слове.

При всей ненависти и неспособности к танцам, Борис бросил вилку, встал и пригласил эту невероятным образом возникшую здесь женщину на танец. Приятели глазели на них с отвисанием челюстей и циничным скептицизмом.

Она приехала в это забытое историей место навестить родственников и друзей. Сама она была *безгранично островной*.

Борис был поражен ею навывлет. Никогда у него ни с кем не было таких разговоров о жизни, искусстве и музыке. Невозможно назвать ее НН. Она была с именем. Она была пианисткой и преподавала фортепьяно.

Дело было не в Скрябине, которого она обожала. И не в ненависти к детям вообще. Ее чудесные полные губы не смогли заменить отсутствия других женских достопримечательностей. *Она была лагерно худа*.

Она очень старалась. Они продолжали, после отъезда, долго и серьезно переписываться.

Пожалуй, не было тогда лучшего у Бориса собеседника. Но однажды она решила, что пора снова начать целоваться. Она сообщила, что прилетит в такой-то день. Он ее не встретил. Прошли годы, Борис так и не знал, прилетала ли она. Но ощущение предательства его не покидало.

***

В этом «саду расходящихся тропок» любви нету определенных, кроме как литературных, маршрутов или приоритетов. *Каждый путь неизбежно приведет к тупику главной дороги.*

Борис понимал, что со многими возлюбленными он мог бы сосуществовать, делить пространство и время, родить детей, иметь неприкосновенное личное убежище и радовать семью *цветением житейской марихуаны.*

Он искал женщину, способную меняться вместе с ним. Борис ощущал любовь, как огонь, в который надо подкидывать дровишки мыслей, сомнений и переживаний. Ему было нужно, чтобы кто-то еще мог *управиться с кочергой.*

Сколько их было у него: острумных, одаренных, *умных до синевы чулок*, безумно сексуальных, обаятельных, заботливых, нежных, тонких, красивых и тех, кто обладал всем этими качествами одновременно. Почти все истории Борис переживал, как персональные катастрофы и свое нежелание расстаться со свободой.

В этих размышлениях, Мира *мерцала без необходимого различения линий.* Борисова оптика затуманилась.

***

Борис сознательно избегал встречи с Мирой на работе. Он боялся неестественной фальшивой реакции из-за чужих *наблюдательных глазков*. К счастью, они с Мирой работали в разных зданиях.

В бесконечном лабиринте механических задачек проекта Борис только углублял *морщины – карты своих размышлений*. Эмоции были *пришпилены* к электромагнитам, моторам и вентиляторам.

По ночам ему являлась полуодетая Мира, которую он соблазнял не под звуки клавирина, а под шарканье движущихся образцов.

Окончательно она раздевалась почему-то на скользкой спине моржа с лицом начальника.

Было какое-то страшно ответственное задание в борисовых снах. Будто он должен, *в сжатые в объятых сроки, изобрести любовь как понятие*. Борис просыпался с ощущением недельной засухи во рту и сердце.

Устав от отсутствия водоворота событий, что для Бориса было знаком умирания, он снова позвонил Мире. Она отвечала как-то сдержанно, и Борис услышал, что рядом есть еще кто-то. Почти конспиративно, Борис предложил поглядеть в субботу на ежегодную регату, финиширующую недалеко от ее дома.

***

– Как *талантливо они гребут обеими руками*. Я думаю, плыви мы на байдарке-двойке, я бы посадил тебя себе на колени и греб твоими ногами.

– Сексуальный маньяк. Вроде, я и повода не давала.

– Твое отсутствие влияет на мою нервную систему даже больше, чем если бы ты сейчас разделась.

– Тут вокруг слишком много слабонервных. С женами.

– Так что мне – «умереть, забыться, уснуть и видеть сны»?

– Так я же знаю, «что в этом смертном сне приснится». Я же и приснюсь. Знаешь, есть ведь разные температуры фазовых переходов. Замерзание. Кипение. Парообразование. Ты хочешь, чтобы я моментально преобразовалась? Испарилась?

– Я никогда не думал, что мне в жизни чего-то не хватает. У меня были и есть поразительные друзья, любовницы, собеседники, я общаюсь, без скидок, с настоящими гениями. Я всегда мечтал обожать женщину. Мне хватает абсурда. Моя главная проблема – одной нежности недостаточно. Мычание меня убивает. Мой снобизм в том, что всякое настоящее переживание должно быть артикулировано, выражено в словах, нотах, формулах. Я был счастлив, тебя услышав.. Ты понимаешь то, что я ценю.

– Ладно. Я на время выпаду из лодки, хоть и приятно было побыть у тебя на коленях. *Я поплыву временно рядом*. Вода холодная. Если стану

замерзать, финишируй один. Кругов не бросай. Меня спасет внутренняя пустота. Я страшно устала от разговоров с шибко умными мужиками.

Она повернулась и быстро ушла. Борис равнодушно посмотрел на финиш мускулистых девичьих восьмерок и поехал домой.

***

Вариантов продолжения было несколько. Выпить, уснуть и видеть те самые, обговоренные Шекспиром, сны. Позвонить девке, последней в списке, и получить все, указанное в ее сервисе. Взять любимую книжку и снова начать ковыряться в словах и смыслах.

Степень досады оказалась настолько высокой, что Борис разложил чертежи и стал работать.

Каждый потенциально перемещаемый анализ биопсии стал приобретать индивидуальность в схеме передвижения. Все стало казаться каким-то клоунским представлением, где каждый персонаж куда-то направлялся, в зависимости от маски и костюма. Но Борис, наконец, решил проблему распознавания адресов перемещений.

Он давно знал: чтобы голова работала, надо быть немного несчастным.

***

Глубоко засевшая внутри него инженерия заставляла Бориса часто интерпретировать происходящее с ее позиций. Его, например, очень интересовали проявления личных качеств. Борис прочел об этом кучу книг. Начиная с Тацита, Плутарха и Монтеня и продолжая тему с Расселом, Колингвудом и Полани.

Собственным открытием Борис считал метаморфозы бесстрашия, связанные с развитием оружия.

Войны греков и римлян велись лицом к лицу, короткими мечами. Кровь, раны и смерть были чем-то страшно близким и обычным.

Мечи и копья средневековья увеличили дистанцию до смерти.

Правда, шпаги потребовали большего мастерства и бесстрашия избранных.

Огнестрельное же оружие практически уничтожило личный героизм. Сделала его, по возможности, массовым. Картечь уравнила героев и трусов. С трупами.

Самым страшным антиподом личного бесстрашия стали отбросы человечества – снайперы. На их гнусной почве стали вырастать бомбы, снаряды, газы и ядерные ракеты. Безответственное массовое уничтожение не вызывает убийственных переживаний. Оно незаметно.

Теперь – все просто: нажал кнопку – и все умерли. Хочешь – наблюдаешь результат, не хочешь – ничего не знаешь.

Дрон отправил и на мониторе, кроме дрона, уже никто не двигается. Чем меньше у тебя качеств вообще, тем ты – лучший оператор дронов. Их повелитель. Повелитель вообще.

Гори оно все огнем. Высокотехнологичное убийство. Ни героизма, ни морали. Кнопки против кнопок. *Люди и нужны-то, только, чтобы умереть.*

Ощущение и переживание двух прошлых войн, хоть и связанных только с его родителями, отвращали Бориса от перспективной карьеры разработчика *новых межконтинентальных кинжалов.*

Не об этом ему хотелось сейчас думать, но другая тема могла быть еще безрадостнее.

***

Никаких вестей от Миры не было. Поинтересовавшись у ее сотрудников, Борис выяснил, что она уволилась. Это могло значить для Бориса очень много или вовсе ничего. Было странно, что она его не предупредила. Как минимум, она дала знать начальству об этом за две недели. Иначе, вообще непонятно, зачем начальство существует. *О конце света ему будет доложено тоже за две его недели.*

Борис позвонил.

– Ты решила больше не видеть меня, даже случайно, или наоборот, хочешь, чтобы я работал из твоего дома?

– Из своего, но спрятав меня в шкафу за книжками.

- Может, тогда тебе лучше попроситься в городскую библиотеку?
- Там ночью выгоняют бомжей.
- Так тебе и постелить там, на полке?
- Неужели ты допустил, что у тебя книги стоят в два ряда, когда корешков второго не видно?! Как же я найду то, что мне нужно?
- По запаху. *Каждая книга, в зависимости от текста, плесневевает и пахнет особенным, авторским образом. Если книгу давно не читали, она может просто смердеть.* Так ты когда переезжаешь, мне надо хоть пыль на полках стереть?
- У тебя же любимый интервал – пятнадцать минут, боюсь только, в это время дня ты не уложишься.
- А ты уже в чемодан уложились?
- *Немного торчат.*
- Когда ж ты и этому от меня научилась?
- Мне же надо хоть как-то вызвать симпатию домохозяина.
- Тебя не спасет такая кредитная история.

Не выходите из дома. За вами придут.

***

Когда Борис подъехал, Миры внизу не было. Он немного подождал, потом поднялся в квартиру.

На звонок дверь открыл парень, которого он видел с Мирой на вечеринке. Он был явно поддатый.

– Ее нет. Она уехала.

Борис отстранил его и вошел в квартиру. Везде были видны следы поспешных сборов.

– Ее хахаль увез. Роберт. Она не хотела, но он ее заставил, – у парня *язык работал на уровне недопитой пол-бутылки.*

– Когда и куда они уехали?

– Куда – не знаю. Где-то с час назад. Он был страшно злой. Она кричала на него, а он отнял у нее телефон. Мира позвала меня еще утром, потому что за квартиру уплачено до конца года, а она уезжает из нее. Она предложила мне тут пожить, если я не буду пить. Я и не собирался, но сильно сегодня расстроился. Она ведь совсем не хотела с ним уезжать. Она тебя ждала.

– А что же ты ему в ухо не дал, ты же здоровый парень?

– Я в чужие дела не вмешиваюсь. У меня и так полно проблем с полицией.

С этими словами Борис ушел, совершенно не представляя, *как бежать во все стороны сразу.*

***

Никакого доверия к полиции у Бориса не было. Собственно, он и не мог утверждать, что это – похищение. Он ничего не мог предъявить в качестве обвинения или подозрений. С точки зрения закона, он был по отношению к Мире – никто.

Вариантов было немного. Он не мог бросить работу и начать *метаться от уха до уха, деликатно спрашивая.*

Можно было заплатить частному сыщику, но Борис, по сути, не мог предоставить никакой исходной информации. У него не было даже мимолетной мириной фотографии, а ее агрессивного приятеля он никогда не видел. *Но представлял с дыркой во лбу.*

Борис позвонил по домашнему мириному телефону. Парень ответил, он явно протрезвел.

– Как тебя зовут?

– Бен.

– Бен, есть дело. Мне нужно найти Миру, но у меня нет на это времени. Ты хотя бы знаешь ее приятеля. Я оплачу тебе все расходы и выплачу гонорар, если ты ее разыщешь. Обещаю, что возьму потом тебя на работу в свою контору. Идет? Мне нужны только координаты. Возьмешься? Имеется в виду, *не широта и долгота – это годится для острова сокровищ*, а почтовый адрес.

Бен какое-то время раздумывал, потом спросил:

– А задаток дадите? Я могу брать такси? У меня нет машины.

– Делай все, что тебе потребуется. Только не пей, и не пытайся меня надуть.

– Когда мне начинать и какие сроки?

– Проспись. Завтра утром я завезу тебе деньги. Ты еще этого не знаешь, но нельзя, чтобы женщина долго чувствовала себя брошенной. *В этом колодце темно и страшно холодная вода.* Мы должны ее найти немедленно. Чем быстрее – тем больше будет твой гонорар.

***

Борис никогда не работал с такой ненавистью к безликой материи. *Сознание заявляло о своей первичности, а само бытие вызывало раздражение.*

Это не было ощущением, что он копил и собрал деньги на обожаемый автомобиль, а его украли в процессе оформления страховки. *Украли вообще все, в чем можно было выйти или куда-то войти.*

Борис чувствовал и переживал разницу между влюбленностью, вожделением, любовным сосуществованием, симпатией, доверием, радостью встреч, уникальностью и желанием сбежать от всего этого.

Впервые в жизни он встретил женщину, с которой хотелось делить не только кровать, кухню и моменты отсутствия сознания.

С ней можно было называть все своими именами, создавая метафоры. Ощущая, что ничего еще не названо, пока ты кожей не коснешься, не помотришь, не подумаешь об этом, и не осмыслишь. Мира явилась,

как ответ тавтологии, с банальными явлениями которой Борис встречался каждый день.

***

Бен оказался вполне вменяемым и сообразительным сыщиком. Он был знаком с некоторыми мирными приятельницами. *Трудно было представить, что у Миры были подруги. Делить свое она не умела. Это была не ее математическая операция.* Кое-кто из них знал о существовании Роберта в мирной окрестности. Кто-то вспомнил, где Роберт живет. Бен выяснил, что его дома нет. Прикинувшись озабоченным племянником, ему удалось узнать, что Роберт улетел в Грецию. Борис понял, что придется ждать новых мифов. Он не рассчитывал на что-то *лабиринтно-героическое, тезеевское. Подозревал, скорее, что-то канализационное, вроде чистки конюшен.*

Борис даже отчасти завидовал выбору Греции для побега.

Правда, если бы он и полетел в Грецию, то во времена Перикла или Платона. Исключительно, на крыльях Еврипида. Или Гомера, *но тогда пришлось бы махать крыльями самому.*

Оставалось только ждать. Борис был уверен, что однажды обретя сознание *от одного только запаха мысли*, Мира никогда не согласится ни на какие компромиссы. Дело было даже не в их личной симпатии. Это было *tat tvam asi – мы с тобой – одной крови.*

Кровь эта билась и пульсировала в голове, будто при ужасном испуге. *Только что ты видел себя в зеркале, и все вдруг исчезло. И ты не уверен, что существуешь.*

***

Усвоенное с юности гамлетовское: «если королю неинтересна пьеса, значит нет в ней для него интереса» – защищало Бориса от переживания утраты и друзей, и любовниц. Он был уверен в сюжете своей пьесы, которую разыгрывал в жизни. Борис знал цену настоящим завоеваниям и чудовищным потерям.

Он почувствовал в Мире возможность полного в ней растворения, со способностью вернуться к себе, без искажений. *Оптическая мира была мерой.*

Ничего больше, кроме ожидания *ариадновой нити* – мысли, ждать не приходилось. В Греции отродясь никто никуда не спешил. *Если впереди не светили оплаченные подвиги.*

Бен стал было отказываться от предложенных денег, но Борис с ним не церемонился.

Было непросто понять, что парень *умеет или хочет уметь делать*. Сторговались на том его филологическом знании, которое может помочь редактировать отчеты.

***

Чтобы как-то нивелировать неувязки между Грецией надежд и пошлой агрессивностью коммерческого Рима, Борис работал, как прикованный к галере придуманной им системы доставки образцов.

Вообще-то, это и был его стиль, *modus vivendi*, когда нужно было быть полностью погруженным, чтобы потом выплыть с идеей решения. Не в зубах, потому что уже задыхаешься. А в других частях тела. *Его живот и музыку-то воспринимал раньше уха.*

Было очевидно, что на этот раз борисову *Европу похитил просто бык.* Его можно было убить или отправить на корриду, разложив потом его мясо по полочкам.

Борису хотелось, чтобы Мира сама выбирала сюжет жизни. В конце концов, выбор Роберта оставалось только приветствовать. В Мире было так много всего, что ошибиться было невозможно.

***

Мира позвонила через неделю после исчезновения.

– Я звоню, потому что мне нечего сказать.

– Я и не сомневался, поэтому как раз расчистил полку с Ливием, Плутархом и Диогеном Лаэртским. Места хватит и тебе, и подвинутому в сторону, Гиббону.

– Не хочу лежать рядом с этим энтузиастом гибели Рима.

Я так рассчитывала на твое презрение, ненависть и унижение. Где же мне тогда взять силы?

– У меня есть пара бутылок хорошего итальянского вина.

- То есть, у тебя нет ни ревности, ни желания убить его или меня, или сунуться в лабиринт, чтобы понять, что крысы – умнее.

– Я не Тезей и не Скиннер. Я по движению воздуха нахожу выход. Он всегда там, куда тянет.

– А где я – ничто не шелохнется. Тупик.

– *Тупик – лучшее место для жизни. Об этом можно только мечтать. В тупиках местечек рождались гении. В витебском тупике родился Шагал. В тупиковом Кенигсберге жил невыездной Кант. Поиски выхода – это реклама, иллюзии и спекуляции. Собственно, выход из чего? Ты попробуй войди сначала.*

– А ты меняпустишь?

– *Только стучи громче. Прямо по звонку.* Мне нужно успеть спрятать серебряные ложки, запонки и булавку для галстука. Только смотри, чтобы тебя в этот раз не уволокли куда-нибудь в Кению. В качестве приманки на сафари.

***

Борис много раз проигрывал в голове приход Миры. Но он, все равно, не был готов к этому событию. Судя по ее сравнительно небольшой

сумке Мира не собиралась ожидать тут обеспеченной старости принесенных вещей.

– Я не хотела пугать тебя сегодня большим чемоданом. Ты и так немного бледен.

– Меня просто волнует его судьба.

– Чемодана?

– Конечно. Ты оставила работу и свое прошлое втиснутое в один чемодан. Ты, похоже, уплотняла его коленом? *Нет такого размера чемоданов, куда женщина может упаковать свое прошлое.* Если оно у нее было.

– Я уволилась, потому что сначала стала ненавидеть эту работу, а потом – и твою улыбку при встрече, обращенную не мне, а жадной аудитории.

– Это было гнусно, я не хотел сплетен, но поступок совершила ты.

Мне кажется, что душ хочет принять тебя, пока я открываю рот, пробки, консервы и свои способности готовить еду. Ты можешь разметаться тут повсюду, но и спальня найдется тебе за углом. *Угол сдается. Он – поражен.*

Ты же поселила парнишку у себя. Теперь ты – бомж в туннельном переходе, но я буду тебе светить с полным накалом.

***

– Ты что, в Греции на Лесбосе жила?

– Я тебя пугаю?

– Давай, хоть съедим что-нибудь. Я дам тебе халат.

– Ты – очень впечатлительный.

– Это правда. То, что я вижу, обычно для меня – перебор. Мне вполне хватает ушей. Но главное для меня – осязание. Я и ногти на руках с детства подрезаю под корень. Не для того, чтобы открывать сейфы, как О' Генри, но чтобы *ощущать бесконечную глубину женской кожи.*

– Я не найду в темноте свою тарелку.

– Я буду жмуриться, разливая вино, попадая иногда куда-то вилкой. Это, конечно, не амброзия и нектар, к которым ты за неделю привыкла.

– Мне казалось, что тема закрыта. Я заплатила по всем счетам своей *персональной, редкоземельной валютой.* Я пришла сюда, полагая, что *наши отношения – безусловны.*

Борис обнял Миру, сказав, что никогда больше не будет об этом говорить.

– Ты не представляешь, сколько я потратила слов, сил и снов на этого человека. Сколько страшных тяжестей я подняла и переместила, чтобы он куда-то шагнул. Не обескураживай меня! У нас с тобой не было начальных условий. Ты привлек меня своим абсурдом.

В твоей башке Сцилла случается с Харибдой. Они-то и вылечили Одиссея от тяги к путешествиям.

***

Впервые в жизни Борис, проснувшись, не был уверен, что это – он. Может быть, просто кого-то другого разбудил шум ветра. *Неуверенность не в кафкианском смысле перерождения в насекомое или цветную капусту.* Просто история всей предыдущей жизни в сознании не проступала. Главное – не хотелось искать подтверждений существования этой предыдущей истории.

Вдруг в комнату вошла невероятной красоты женщина, совершенно голая и легла на него.

– Нельзя столько спать.

Вспоминая поразительный момент бесконечного падения не в пространстве, а во времени, Борис ощутил его снова.

– Хочешь, я приготовлю завтрак?

– Я только что его получил. Я не могу думать о еде. Ты будешь полдник, обед и ужин. Я буду приползать с едой в зубах, чтобы ты не поднималась.

– Меня ты, может, и обманешь на любимые тобой пятнадцать минут, но я хочу *полноценного счастья* с омлетом и кофе.

– Ты что, есть сюда пришла?

– Кормить.

***

Десяток оборотов Земли вокруг самой себя не очень повлияли на происходящее между ними короткое замыкание. *Скорее – заикание.*

Борис принуждал на работе свою систему к *добровольной лояльности.* Потихоньку образцы стали ползать в нужном направлении.

Мира, переделав все возможные дела в доме, стала скучать.

– Тебе не нужна жена. Ты – вечный любовник. Ты же осатанеешь от моего постоянного присутствия.

– *Я человек – миролюбивый.* Все, что Мира захочет, я буду исполнять. *На любых инструментах. И без нот.* Ты же связалась со страшным эгоистом и снобом исключительно из-за собственного эгоизма и снобизма. Мы созданы друг для друга. Тебе просто нужно еще и работать.

– Если мы будем продолжать так же безумно обниматься, она у меня появится. Тебе больше нравится кормить девочек или мальчиков?

– Девочки мне нравятся обычно после восемнадцати, а мальчики наоборот – до. Пока еще можно дать им подзатыльник. Но я не хочу пока отвлекаться и делить с молокососами твою грудь. Пусть они все остаются пока *законно нерожденными.* Я ловелас старой закалки, который провел медовые месяцы без законных ритуалов. Теперь мне все время хочется тебя одеть. Когда ты голая, я не могу

сосредоточиться и теряю контроль. От этого бывают *чреватые детьми последствия*. Тебе свадебное платье будет к лицу.

– Только на беременный живот я его надевать не стану. Будешь тогда жениться один.

***

Ягнятами напугать не удалось. Пространство скукожилось практически до тумбочек вокруг кровати. На них были уже и еда, и питье. Время суток делилось на присутственные часы Бориса в офисе и все остальное, где невозможно было разобрать, в какой момент что-то ели, стояли под душем, разговаривали, повернувшись нос к носу, или опять задыхались и засыпали.

Несмотря на боевое расписание, Борис не ощущал усталости. Было легко работать, все пока получалось. Мысли его иногда улетали к тумбочке, но он только усмехался и продолжал чертить.

– Мне нужно тебя экономить. Ты так не протянешь обещанные пятнадцать лет, а у мальчика должен быть до этого возраста отец, чтобы играть с ним в футбол, ловить рыбу и обожать его маму.

– Главное – я должен обожать его будущую маму в момент зачатия. Тогда дальше все пойдет в его жизни так же гладко.

– Ты всегда казался мне образованным циником.

***

Свадьбу решили справить без помпы, когда Борис закончит свой проект. Постельный режим был взят под строгий аптечный контроль, но температура пациентов не снижалась.

Борис никогда не мог себе представить неисчерпаемости отношений. Мира поражала его способностью любить, быть неожиданной и всегда чрезвычайно точной и внимательной.

Она была благодарна Борису за его участие в жизни Бена. Она хотела ему помочь, и была рада, что он научится что-то профессионально делать и зарабатывать.

Роберт знал о мирной новой жизни и вроде больше не пытался ее нарушать.

***

Но однажды днем Мире пришло от него письмо. Мира показала его Борису. Роберт слезно умолял его простить. *Заклинал всеми знаками препинания*, что жить без нее не может.

Он сообщал, что получил, наконец, очень престижную позицию в стартапной, но быстрорастущей компании.

Борис хорошо знал цену многим таким, быстропухнувшим на чужие деньги и многократно перекроенным компаниям. Впрочем, Роберт компанию не называл, равно, как и свою там должность.

– Ты не должна с ним видеться. Может быть, только со мной вдвоем, на его похоронах.

– Не говори так. Я не желаю ему ничего плохого.

– Он – обманщик и вампир. Ему нужно снова прилипнуть к тебе, чтобы ты его тащила.

– Ему надо помочь.

– Ему пора научиться менять себе подгузники. Я не хочу, чтобы он появлялся в нашей жизни. Ты достаточно для него сделала. Если он не отстанет, я размажу его по потолку этой *стартрепной компании*. Я в этом балагане участвовать не буду. Ты – *птица перелетная, свободная и, видимо – недостреляная*.

***

Следующим вечером, когда Борис вернулся с работы, Миры дома не было. Он не стал ужинать, клюнул чего-то, не разогревая, хлебнул пива и стал читать почту.

Она вернулась непоздно, но есть не стала.

Впервые они спали в разных комнатах.

***

Она пришла к нему под утро, с красными глазами и хлюпающим носом. Борис, ничего не спрашивая, обнял ее, и они уснули до звонка

концлагерного будильника. Борису часто снился концлагерь часов. Настенных, каминных, башенных, наручных... *На вышках этого лагеря стояли будильники с убивающим навывлет трезвоном.*

***

Вопреки своим сомнениям, Мира довольно быстро нашла работу. Администраторы ее уровня всегда были *нужны начальникам, чтобы было на кого свалить все проблемы.* И вину неделанного заодно.

По утрам, по пути, Борис подвозил Миру на работу, но возвращались они в разное время. Мира, хоть и привыкала к новому ритму и окружению, сильно уставала. Они ужинали, *обсуждая за горячим – горячо любимое, запивая ненавистное холодным вином.* До весны было далеко, но дни почему-то удлиннились, *а ночи стали короче снов.*

Жизнь, будто засомневавшись в своих изысканных формах, стала оглядываться на свое отражение.

***

Борис допоздна работал. Срок его проекта заканчивался, *надо было уложиться в скупо отсчитанные деньги, и это было жестко.* Но все обстояло не так плохо. Если и опаздывали, то не дольше недели-двух.

– Может мне переехать к тебе в офис вместе с едой и кроватью? Ты *сэкономить на транспортировке тела.*

– Идея хорошая, но в туалете у нас нету душа, и у моих напарников закончилось чувство юмора. Это – ревность. Не физика. Химия.

– У меня всегда по химии были отличные оценки. И по биологии. Я себя сейчас чувствую *метахондрией* в твоей клетке.

– Только благодаря тебе все внутри клетки и живет.

В выходные Борису пришлось работать.

Когда в субботу он пришел домой, Миры не было. Не было и части ее нарядов. На столе была записка.

«Не обижайся. Нам надо пожить врозь. Мне кажется, мы потеряли сюжет наших отношений. Нас настигла тобою ненавидимая тавтология.

Я вернусь к себе. Бен переехал к своей девушке. Давай, выясним, *есть ли у нашей моногамной монотонности звучание*».

Разозлиться Борису не удалось. Он выпил остатки бурбона, не раздеваясь, лег на диван и сразу уснул. Ему снилась какая-то странная Греция. Не древняя, знакомая, а какая-то ветхая, *изноженная туристами*, исхоженная экскурсиями и обглоданная временем.

***

Это, пожалуй, было новая для Бориса ситуация, когда уходил не он. Наверно, потому что впервые для него масштабы фигур были соизмеримы.

Без всякой обиды или ревности Борис понимал, что такое Мира. Возможно, одного его понимания ей было недостаточно. Не хватало любви. И дело было не в разговорах или постели, а в отсутствии у него *непрерывного ощущения существования другого.*

Ему впервые внятно объяснили, что он всегда любил только себя. Как тот парень, который повесил в спальне зеркало, чтобы смотреть на себя, когда он трахался.

***

Телепорт устроил грандиозную презентацию работающей борисовой системы. *Успех только немного уступал по масштабам самой онкологии.* Фактически, только анализ ткани давал заключение, поэтому быстрота и точность были так важны.

Четыре известных госпиталя и две страховые компании тут же заключили договор на производство и покупку. Это грозило Борису повышением зарплаты и позиции, а Телепорту миллионными доходами. Правда, никем, кроме себя, Борис руководить не собирался.

Он с иронией подумал, что цели госпиталей и страховых компаний диаметрально противоположны. Страховая компания просто должна побыстрее знать, *как долго стоит оплачивать чью-то жизнь.*

***

Через недели две после ухода Мира приезжала за оставленными вещами. Борис собрал их *кучкой прошлого* в сумку и спустился к такси. Мира вышла к нему навстречу, *поцеловала его в дежурную щеку*, забрала сумку и уехала.

Бен, с которым Борис иногда сталкивался по работе, как-то сказал, что видел Миру и что она плохо выглядит. Борис позвонил ей тем же вечером. Как и когда-то, он почувствовал, что она не одна.

Оставалось обменяться *знаками препинания диалога и словами из лексикона тушек рыбного отдела*.

– Ты в порядке?

– Да.

– Может, приедешь?

– Нет.

– Могу я что-то для тебя сделать?

– Все уже сделано.

– Тогда, привет Роберту.

– Откуда ты знаешь?

– *Я чувствую запах мысли по телефону. И просто запах, без мысли, тоже.*

Мира повесила трубку.

***

Неужели, если ей не о ком заботиться, она угасает? Почему ей так необходимо кого-то жалеть и прощать? Ей надо было работать в доме инвалидов, а не пестовать морального калеку.

Получилось, как на картинке Борна. Схватил за грудь кого-то в открытом окне встречного поезда, и руки, оторвавшись, уехали в неизвестном направлении. Надо теперь жить без них.

Или предъявить Главному Машинисту свое венерно-музейное отсутствие рук и потребовать, переключить стрелки рельсов и часов, чтобы догнать утраченные руки, смысл и внезапную любовь. Не будучи ницшеанцем, Борис, тем не менее, разделял мнение, что Главный Машинист умер. И поезд надо разворачивать самому.

***

Мира. Что ее может вернуть? Слова? Она их распознает метафорически. С самого начала именно ее лексикон поразили Бориса. *Она словами и ответит.*

Устроить вскрытие вен онлайн? Онвенлайн. Повеситься перед компьютерной камерой? Уже давно известно, что у повешенных – невероятная, но, к сожалению, жизненно запоздалая, эрекция.

Может быть, убить Роберта? Тогда, после приговора, Мира будет страшно переживать *и посвятит остаток своей жизни остатку его, борисовой.*

Количество всевозможных идиотских вариантов было угнетающим. *Мифотворческие силы иссякли.*

Следуя давней врачебно-дружеской рекомендации: *не знаешь, чем заняться – ложись спать*, Борис и заснул.

***

Была суббота. Борис позвонил Мире утром.

– Я уверен, что ты не готовишь и питаешься, разгребая *залежи, существующие еще до ледниковой эпохи холодильников.* Я хочу опять посмотреть, *как ты ловко ешь.* Давай увидимся в том же ресторанчике, *где я оставил на хранение остатки мозгов.*

Мира согласилась увидеться вечером.

Для Бориса было странно испытывать такое же волнение, как и при первой их встрече.

Был выходной, но она выглядела усталой. *Не той усталостью, от которой можно отдохнуть.* Они заказали что-то *съедобное, не изменившее настроение.*

Разговор не очень клеился всеми этими подлежащими, сказуемыми и прилагательными. Даже вином.

– Мы же договорились о свадьбе. У меня есть список гостей. *И еще большой – неприглашенных.* Извини, я не успел с тобой обручиться. *Но кольцо, чтобы не испортилось, держу в морозилке.*

Мира вдруг заплакала, и на них *стали обращать обычно отсутствующее у жующих внимание.*

– Мне нужно было тебе сказать. Роберт тут не при чем. Он героически погиб в *нашей Троянской войне.* Я была в госпитале.

– Целую неделю? Что-то серьезное?

– Ты немного опоздал со своей диагностикой.

- Онкология?

– *Левой груди.*

Но ребеночка *не хотелось пугать химией в темном животе.*

***

Воскресенье они *провели, как сиамские близнецы.*

– Я виновата перед тобой. Заставила тебя ревновать.

– Мне на время *придется полюбить сильнее твою правую грудь.* Это кардинально меняет мои представления о законах симметрии. Но, в конце концов, *что-то кроме ножа и телефона, может подвернуться и правой руке?* Но спать я все равно буду слева. Я люблю дышать тебе в затылок, *соревнуясь, кто позже заснет.*

– *Твое надувное легкомыслие* не отрывает меня от земли.

– Главное – не отрывайся от меня.

– Я не Афродита, хотя и *выплываю из мыльной пены твоих слов.*

– *Да серьезней меня – только памятники.* Место твоего рождения, как у Зевсовой Афины, - голова. Борозда между полушариями, левым и правым – связь между ними, мое зрение, внимание, возбуждение, а главное – моя чувствительность к твоей коже. *Пока дышу – касаюсь. Касаюсь тебя.*

- *Метни лучше молнию в мою чашку.* Кофе совсем остыл.

- Трудно мне будет *жить с Мирой, не от мира сего.* Я не верил в передачу мысли на расстоянии. Но с тобой я понял, что это возможно. Правда, *чем до тебя ближе, тем меньше у меня мыслей.*

- *Я отогрею замороженное обручальное кольцо своим дыханием.* Я знаю *теперь, зачем дышу.* Ни один наш день не повторял предыдущий. Ничего банального не было ни в словах, ни в поступках. Ничто кардинальное не было пропущено. Благодаря тебе, я ощутила уникальность существования. У жизни, может, и нет цели, но есть личные достижения. Я никогда бы не добралась до некоторых без тебя.

***

Борис никогда не понимал, что значит «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». *Отравились словами? В один день - это чтобы не расплескать остатки счастья?*

Долго. Это сколько? Было очевидно, что *амплитуда переживаний важнее времени*. Пресловутые пятнадцать минут могут по площади равняться пятнадцати годам.

***

В океанической пене виановских абсурдных и нежнейших метафор любви, старения и умирания есть стиль, вызывающий жуткую зависть. Захотелось взять без фальши хотя бы пару джазовых аккордов этого невероятного остроумца, трубача и писателя.

Leonid Pesok

Boston

December 2021– January 2022